

... Спустя несколько дней ...

- Ну что же, приступим? – собственно, спустя всего-то несколько весьма скучных дней, наконец-то прибыл учитель греческого. Естественно, это был раб. Почему раб? Ну, это может показаться мелочным и даже глупым, но дело в психологии масс и культурных особенностях, которые, если вкратце, можно обозначить как «где же ты найдёшь образованного гражданина, желающего обучить юного галла грамоте?». Именно поэтому, собственно, Эпоредориксу пришлось прибегнуть к покупке раба, владеющего – стоил он ему 2 тысячи денариев. Как можно понять, это весьма нехилая сумма – годовой заработок семьи составлял немногим более 100 тысяч денариев в год, и цена, таким образом, составляла 1/50 всего дохода семьи (при том, что Битуит, глава семьи, вполне мог бы претендовать с таким доходом на статус всадника, выше которого был только сенаторский класс). Причём, что самое забавное, несмотря на свою дороговизну, он достался Эпоредориксу крайне дёшево – обычно цена подобных рабов была не менее 25 тысяч денариев. Причин подобной дешевизны было несколько. Во-первых, раб представлял собой весьма престарелого мужчину (60 лет), захваченного римлянами в плен во время Второй Митридатовой войны (нынче 74 год до н.э., и до начала полного политического хаоса в Галлии осталось всего 3 года, а до непосредственного римского вторжения – 16 лет; но Артём об этом не знает). Во-вторых, он был известен тем, что не обучал всех подряд (это было известно хозяину, но не покупателю в лице агента Эпоредорикса) – рабом он был крайне гордым, и, несмотря на любые причиняемые ему побои, отказывался обучать тех, кого счёл «недостойными». Собственно, это было основной причиной, почему его продали так дёшево. В-третьих, так как раба часто били, он, кто бы мог подумать, часто болел – тело то уже давно не молодое, а тут ещё и регулярные побои. Все эти три фактора в совокупности и привели к тому, что он стоил так дёшево.

- Хорошо, приступим, – сказал Артём, после чего аккуратно разложил письменные принадлежности на письменном столе, любезно изготовленным рабом-плотником по заказу (с разрешения Эпоредорикса). Увидев это, раб лишь ухмыльнулся.

- Знаешь ли ты что-нибудь о великом Гомере, юноша? – внезапно, не успев ещё начаться урок, раб задал пространный вопрос, даже не представившись ему. Вероятно, он хотел начать образовательный процесс показательным унижением..? Во всяком случае, Артём совершенно не понял того замысла, который преподаватель преследовал, задавая ему такой вопрос и, тем не менее, послушно ответил на него:

- «Должно, о Зевсова дочь, соблюдать повеления ваши. Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет: Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внимлют», – разумеется, несмотря на свою абсолютную безалаберность в исторических вопросах, а также лень, Артём всё же был весьма образованным человеком. Этому своему успеху он обязан тем, что взял себе за привычку уделять час-другой на чтение книг, прямо перед самым сном. Естественно, он знал хотя бы пару цитат из знаменитой Илиады – в конце концов, там всего-то около 900 страниц. Это ничто перед усердным трудом на протяжении более чем десяти лет!

- Интересно... а можешь ли ты процитировать мне что-нибудь ещё из «Илиады»? – внезапно, злобная ухмылка на лице раба превратилась в удивлённое лицо. Естественно, он не ожидал от галла, да ещё и от юноши, цитирования всемирно известной «Илиады» Гомера. Впрочем, его удивление было приятно ему самому, поэтому никакой отрицательной реакции не последовало...

- «Царь, облечённый бесстыдством, коварный душою мздолюбец! Кто из ахейян захочет твои повеления слушать? Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится? Я за себя ли пришёл, чтоб троян, укротителей коней, здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне. Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил!» - ну и, разумеется, его просьбу тут же удовлетворил Артём, которому, в кой-то веки, удалось похвастаться своим знанием классиков. Прекрасная память у молодого человека, ничего не сказать...

- Прекрасно! Воистину прекрасно, мой дорогой друг! Не ожидал я, что ты будешь столь приятен мне своим умом и знанием, однако ж, поведай мне - знаешь ли ты что-либо ещё, кроме «Илиады»? Может, иных классиков? Может, труды эпикурейцев, стоиков и прочих знаешь? - естественно, преподаватель был крайне приятно удивлён тем знанием «Илиады», коим обладал Артём. Как-никак, классика на все времена!

- «Да, перед богом тщетно нам мудрить. Предания отцов, как время, стары, и где те речи, что низвергнут их, хотя бы в высях разума витал ты?» - весьма дерзко. Цитировать Тиресия из «Вакханок» Еврипида...

- Хм, должен признаться, что с каждой минутой нашего общения ты удивляешь меня всё больше - Еврипид поистине мудрый был человек, прекрасный писатель, и ты ему уподобляешься, воспроизводя им написанное. И нет у меня уважения большего, чем искреннее, неподкупное почтение к тому, кто знание ценит по достоинству. Мой юный друг - ты прошёл мою проверку, и должен тому быть рад, ибо не каждому это по силам, - улыбнувшись, старец внезапно посветлел. Злоба, ненависть и гнев к тем, кто намеревался использовать его для обучения своих тупых отпрысков, с него сняло будто бы рукой. Артём же, и не подозревавший о задуманной им прежде подлости, успешно прошёл его испытание, и, таким образом, был буквально обречён так и остаться в неведении...

- Здравствуйте! Я Мандубракий, сын Битуита! - к слову, о причине того, почему я не назвал ещё ни одной фамилии - их у галлов, да и у кельтов вообще, просто не было. Как не трудно догадаться, они были не одиноки в этом, а если быть точнее, то они, в каком-то смысле, до сих пор не одиноки в этом - большинство скандинавских фамилий заканчиваются на «-sen» или «-son». Например, фамилия «Йоханссон» буквально означает «сын Йохана» (или «Наследник Йохана», тут особой разницы нет). Только если «Йоханссон» это скорее отчество, превращённое в фамилию усилиями государственной машины, то у кельтов не было самого понятия фамилии - для них оно было попросту избыточным. Зачем тебе какая-то там фамилия, если ты всю свою жизнь проведёшь, в лучшем случае, в захудалой деревушке, где будет от силы пара сотен человек. Большинство людей там знают друг друга по именам, и даже если возникает путаница, то достаточно сказать собеседнику, чья это дочь или сын - и тогда уж точно всё будет понятно. И пускай у галлов уже начали набирать силу города, и постепенно в Галлии происходила урбанизация, всё ещё прошло недостаточно времени для того, чтобы возник общественный заказ на фамилии, как дополнительный отличительный признак. Да и что уж лукавить, даже у римлян, у которых всё же было родовое имя (он же номен), оно не представляло собой то же самое, что мы имеем в виду, когда говорим «фамилия». В более современном виде фамилии появились лишь в 10-11 веках, в наиболее экономически развитом регионе Европы, Италии, в связи с расширением экономических связей и необходимостью более чёткого регулирования института наследования.

- Приятно познакомиться! Раньше звали меня Софоклом Команским, но теперь меня именуют

проще – Тибий, будто я из Пафлагонии... – печально, конечно. Ну как не сочувствовать бедному дедуле, если его всё это время почитали за пафлагонца, когда он каппадокиец? Страшнейшее оскорбление, как по мне, было совершено в отношении его личности!

– Полагаю, нам всё же стоит начать урок? – впрочем, чего нам сдался этот старый хрыч? Пора бы уже, в самом деле, начать урок, чтобы стало понятно, кто он такой по жизни и чего он стоит в действительности.

– Как же! Хорошая шутка, мой друг! Прости меня, но я уподобился Сократу в стремлении к мудрости, подобной его – также как и он, я постигаю мир чрез дискуссию, ибо только в споре рождается истина! Впрочем, и лекции мне не чужды, но, полагаю, мне всё же стоит для начала ознакомиться с моим учеником, чтобы лучше всего его понять, не так ли? Как-никак, нам обоим будет лучше и проще, если я смогу подстроиться под твою индивидуальность... – эффектно манипулируя руками, Софокл облегчал понимание своей речи, что было весьма удачным решением, ибо речь его, несмотря на сладкий характер и завлекательность, была, как бы это иронично ни звучало, весьма сложна в понимании. Знаток кельтского (галатский язык, используемый им, являлся родственным галльскому, но был по отношению к нему весьма архаичным и содержал значительное число грецизмов), он использовал весьма сложные и часто архаичные обороты. Совершенно точно, что без этой жестикуляции Артёму было бы гораздо сложнее его понять.

– Допустим, – впрочем, не знакомый с подробностями сократовской методики, он не стал дискутировать с ним по этому поводу, и вместо этого просто продолжил записывать некоторые математические формулы и известные ему теоремы. Я бы сказал, что это пустая трата чернил – ведь это и есть пустая трата весьма дорогих чернил, но Артём, сам того совершенно не подозревая, делал весьма страшную вещь – записывал на русском (ну, не английском же писать, в конце-то концов) теоремы, до которых человечеству ещё тысячелетия идти. Опасное занятие, как бы я сказал...

– Хм... ты что-то записываешь? Разве ты знаешь, как писать на греческом..? – потому что твои старания вполне могут заметить посторонние. Особенно, когда они находятся в метре от тебя. Впрочем, возвращаясь к нашим баранам, нужно отметить, что грек не сразу понял, что делает Артём, и при беглом взгляде ему показалось, будто бы он читает текст на греческом. Естественно, Софокла, которого убедили в том, что Артём не знает греческого, это ввергло в шок, – Хотя, подождите! Это хоть и что-то похожее на греческий, но точно не он – даю руку на отсечение! – впрочем, ненадолго. При повторном прочтении написанного им текста по диагонали он, впрочем, быстро убедился в том, что это всё же не греческий. Какой-то уникальный и крайне интересный шифр на его основе – вполне возможно, но 100% не греческий.

– Эм... ах, да... это мой шифр... полагаю, он немного похож на родной вам греческий? – юноша же, наконец-то обративший внимание на своего шокированного преподавателя, был, к сожалению, удивлён столь значительным вниманием к его небольшой рукописи...